

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 1155–1166, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155–1166
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.157.09; 398.2 (=512.157) +398.2 (512.156)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155–1166

О поэтике олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов

Гульнара Егоровна Саввинова¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. А. Е. Кулаковского, 677013 Якутск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-9868-4962. E-mail: savgul6767@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Саввинова Г. Е., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье представлен сравнительный анализ средств художественной выразительности тувинских героических эпосов и якутского эпоса — олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, воссозданного на основе народных сказаний. Осмысление специфики использования разнообразных приемов в эпическом тексте в сравнении с тувинскими героическими эпосами ведет к познанию особенностей художественной речи, художественного пространства П. А. Ойунского, создателя, олонхосута-импровизатора, сумевшего объединить разные эпические сказания в единое целое, самобытности его творчества в целом. Актуальность изучения обусловлена отсутствием специального научного исследования по освещению поэтики эпического произведения «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского. В качестве *материалов* для исследования послужили: олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинские героические эпосы «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо, «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная, «Боралдай с конем Бора-Шокар» Хургул-оола Монгуша и «Кангывай-Мерген» Баазанай Халдаа Тюлюша. *Цель исследования* — представить специфику использования средств художественного изображения в олонхо П. А. Ойунским сквозь призму стилистических позиций сказителей тувинских эпосов. В основе анализа тувинских героических эпосов и якутского эпоса — олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского лежит комплексный подход, включающий сравнительно-исторический, историко-типологический *методы* исследования. Научная новизна видится в том, что в якутской фольклористике впервые рассматривается поэтика, система художественных приемов в тексте олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского в сравнении с тувинскими героическими эпосами. Из сравнительно-сопоставительного анализа эпических текстов следует, что олонхо П. А. Ойунского, воссозданное по традиционным канонам народного эпоса, находит параллели с тувинскими героическими эпосами. Обнаруживаются общие закономерности, типологические сходства в использовании изобразительных средств якутского и тувинских эпических произведений. Рассматриваются содержательно-художественные признаки эпиче-

ских произведений. Особое внимание обращено на средства художественной выразительности — гиперболу и сравнение. Основные *результаты* нашего исследования заключаются в следующем: выявлено, что олонхо П. А. Ойунского и тувинские эпосы имеют типологическое сходство и отражают посредством художественного эпического творчества исторический, эпико-культурный путь развития народов. Художественный язык тувинских героических сказаний и олонхо П. А. Ойунского напрямую связан с живым языком творцов героического эпоса. Из анализа поэтики олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» следует, что олонхо П. А. Ойунского отличается завершенностью художественной формы. П. А. Ойунский, воссоздав якутский героический эпос, обогатил его идейное и тематическое содержание, придал ему особое поэтическое звучание.

Ключевые слова: олонхо, тувинские сказания, эпические традиции, художественно-изобразительные средства, гипербола, сравнение

Благодарность. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Для цитирования: Саввинова Г. Е. О поэтике олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1155–1166. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155–1166

UDC 821.512.157.09; 398.2 (=512.157) +398.2 (512.156)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155–1166

Platon Oyunsky's *Olonkho Nurgun Bootur the Swift* and Tuvan Heroic Epics: Poetics Revisited

*Gulnara E. Savvinova*¹

¹ Ammosov North-Eastern Federal University (42, A. E. Kulakovskiy St., Yakutsk 677013, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9868-4962. E-mail: savgul6767@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Savvinova G. E., 2020

Abstract. Introduction. The article provides a comparative analysis of artistic expressiveness means inherent to the Yakut *Olonkho* and Tuvan epics. The point is that poetics of the epic work *Nurgun Bootur the Swift* by P. A. Oyunsky recreated on the basis of folk tales has actually remained understudied, and this paper fills the gap. **Goals.** The work — as part of Yakut folklore studies — makes the first attempt to consider poetics and the system of artistic techniques of the *Olonkho Nurgun Bootur the Swift* in comparison to Tuvan heroic epics. **Methods.** The study employs a comprehensive approach that includes comparative historical and typological research methods. **Results.** The comparative analysis concludes that P. Oyunsky's *Nurgun Bootur the Swift* is based on the principles of traditional folk epic, and reveals parallels to Tuvan heroic narratives. Special attention is paid to the means of artistic expression — hyperbole and comparison. There are functional semantic dependence and structural unity indicating a typological similarity of the epic works examined. The vivid language of Tuvan epic narratives and that of P. Oyunsky's *Olonkho* are explicitly characterized by elements observed in heroic epic proper, and the poetic analysis shows the Yakut text is distinguished by artistic completeness. So, P. Oyunsky revived the Yakut heroic epic, enriched its conceptual/thematic essentials — to strengthen the unique poetic form.

Keywords: *Olonkho*, Tuvan tales, epic traditions, artistic and visual means, hyperbole, comparison

Acknowledgements: The reported study was funded by Ammosov North-Eastern Federal University, project ‘Heroic Epics of Eurasian Turko-Mongols: Problems and Perspectives of Comparative Study’.

For citation: Savvinova G. E. Platon Oyunsky’s Olonkho *Nurgun Bootur the Swift* and Tuvan Heroic Epics: Poetics Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1155–1166. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155–1166

Введение

Героический эпос — продукт длительного коллективного творчества, высочайшее выражение духа народа. Е. М. Мелетинский пишет, что героическая песня потому героическая, что всегда изображает и восхваляет героический идеал в соответствии с данной эпохой. <...> Ранняя эпика изображала силы природы и исторических противников племени в виде сверхъестественных демонов и чудовищ, а позднее развитие героических произведений дошло до более или менее достоверного реалистического изображения исторического противника [Мелетинский 2004: 462].

Во многих тюрко-монгольских эпических сказаниях отмечены общие основные сюжетные линии, иногда встречаются текстовые совпадения. Специфика использования средств художественного изображения имеет аналоги и за пределами фольклора тюрко-монгольской этно-языковой среды. В. М. Жирмунский пишет, что «область историко-типологических аналогий (как и литературных влияний) не ограничивается вообще повествовательными мотивами и сюжетами. Она охватывает все стороны идеологии, образности, жанровой композиции и художественного стиля произведений литературы и фольклора» [Жирмунский 1962: 10].

Необходимость осмысления характера поэтики эпических произведений алтае-сааянских народов, в частности олонхо и тувинского эпоса, стимулировала повышение интереса к рассматриваемой проблеме. Художественный мир олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов изобилует и многообразен. В связи с этим данная статья ни в коей мере не претендует на изучение их глубины, на полноту обзора. Поэтому мы попытаемся рассмотреть лишь наиболее об-

щие черты художественных особенностей олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо, «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная, «Боралдай с конем Бора-Шокар» Хургул-оола Монгуша и «Кангывай-Мерген» Баазанай ХалдааТюлюша.

Общеизвестно, что в литературоведении при анализе любого произведения средства художественной выразительности требуют тщательного, детального изучения. Поскольку, как пишет М. Горький, «форма есть существенная часть эпической мысли» [Горький 1954: 243].

Правомерно также мнение М. И. Богдановой о том, что «целостное представление может создаваться лишь при определении народности эпических произведений, неразделенных и взаимообусловленных, содержания и формы» [Богданова 1961: 226]. Потому поэтическая особенность произведения включает структуру эпоса, развитие конфликтов в сюжете, систему образов, пафос произведения, способ пейзажных зарисовок и др.

В качестве материалов для исследования послужили: олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинские героические эпосы «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо, «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная, «Боралдай с конем Бора-Шокар» Хургул-оола Монгуша и «Кангывай-Мерген» Баазанай Халдаа Тюлюша.

Художественное изображение в якутском олонхо и тувинских эпосах

В. Л. Серошевский писал: «Стиль былин совсем особый <...>. Якуты считают признаком дурного вкуса, если сказочник в кэпсээн (сказку. — Г. С.) в неуказанном месте вставляет былинные обороты и позволяет себе без разбору смешивать обе формы»

[Серошевский 1896: 610]. В филологической науке эпическому и лирическому не положено определять границы образного познания жизни. Эпос является одной из форм эволюции словесно-художественного искусства, имеющий свои творческие «законы».

Один из первых якутских ученых, писатель-новатор П. А. Ойунский поэтически обработал и создал свод сюжета олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» [Ойунский 2003: 544]. По композиционной последовательности текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского разбивается на 9 песен. Данное явление не случайно, так как несет содержательную нагрузку, охватывает законченный цикл событий. Обыкновенно тюрко-монгольским эпосам присуща определенная монументальность, величавость.

Форма образного повествования, близкая к художественной литературе, олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского отмечается исследователями П. Н. Дмитриевым и С. Д. Мухоплевой: «Принцип поэтической (стихотворной) обработки олонхо ввел впервые якутский писатель Платон Алексеевич Ойунский. Ойунский ввел в эпическое повествование многочисленные авторские (лирические) отступления, несвойственные эпической традиции этого жанра» [Дмитриев, Мухоплева 2004: 75].

При всем огромном богатстве и разнообразии ритмики в олонхо П. А. Ойунского наблюдается тяготение к равносложности и равнословности в смежных стихах, т. е. стих олонхо П. А. Ойунского близок к современной поэзии. К. Райхл пишет, что «сюжет и персонажи — это одна сторона повествования; другими элементами являются композиция и художественные приемы» [Райхл 2008: 299]. Отсюда следует, что в соответствии с принципом описательности строится вся композиция сюжета эпоса.

Основной характер поэтики героических эпосов определяют художественный стиль, устойчивые выражения. Для эпических произведений свойственны приемы создания гиперболического эффекта. Гипербола употребляется в олонхо и тувинских эпосах в разнообразной форме, которая нередко совмещается с разными стилистическими приемами, усиливая им соответствующую экспрессию, благодаря которой эпос приобретает более эмоциональный характер.

Так, во вступительной части олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» стилевой доминантой является ярко выраженное описание среднего мира, портрета главного героя, описание его доспехов, оружия, богатства и т. д., которые Н. В. Емельянов называет «экспозицией» или «эпическим зачином» [Емельянов 1990: 10].

Лирическая вступительная часть олонхо П. А. Ойунского начинается со стихотворной формулы:

*Абыс иилээх-саҕалаах,
Атааннаах-мөҕүүннээх
Аан ийэ дайды
Ананан-айыллан
Үөскээбитэ үһү диэн
Үһүйэн көрдөхпүт...*
[Ойунский 2003: 10].

*Эртенгинин эртезинде,
Бурунгунун мурнунда,
Буганын мыйызы буступ дужуп,
Тенин мыйызы дээринге шаштыгыт...*
[Тувинские героические 1997: 22].

*Чиге сонгу чуктен бады келген,
Эдиг-Кара хемнинг белдирин чурттаан,
Эктин ашкан эттиг,
Бажын ашкан малдыг...*
[Тыва маадырлыг 1990: 30].

Осьмикрайняя,
Об осьми ободах,
Бурями обуянная
Земля — всего живущего мать,
Предназначенно-обетованная,
В отдаленных возникла веках.
И оттуда сказание начинать...
[Нюргун Боотур 1982: 6]

Раньше раннего,
Древнее древнего,
Когда рога быков, растрескавшись, отваливались,
(А) рога горных козлов упирались в небо...
[Тувинские героические 1997: 5].

Раньше раннего,
Прежде давнего [времени]
У слияния [вод] реки Элдиг-Кара,
Текущей прямо с северной стороны...
[Тыва маадырлыг 1990: 619].

В характерном для народной поэзии стиле эпическое художественное обрамление создает не только многослойность Верхнего мира, но и образ картины Срединного мира (*Осьмикрайняя, Об осьми ободах, ... Земля*), в котором воссозданы исторические черты давно ушедших времен (*...В отдаленных возникла веках*). Virtuозность поэтической техники можно увидеть в умении автора аллитерационно связывать слова в строках, также и внутри строка: *Абыс иилээх-сабылаах, Атааннаах-мөнгүүннээх, ... Үөскээбитэ үһү диэн Үһүйэн көрдөхпүт...*

Как и в якутском олонхо, в зачине тувинского эпоса «Хунан-Кара» сообщается о многослойности небесной сферы, в которой указывается 33 небесных свода, населенных таким же количеством богов (*Дээр*). А в сказании «Богатырь Шагаан-Тоолай» повествуется о бурном море-океане: «Когда Белая Сумбер-Уула была островерхим пригорком, когда бурное море лежало черной лужей» [*Тувинские героические 1997: 13*]. Следовательно, картина эпохи хаоса в олонхо и тувинских эпосах показана не только через внешнее изображение, но и посредством гиперболических сравнений, которые указывают на образную характеристику состояния вселенной.

Описание в «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей» свидетельствует о сохранности архаичных черт стихосложения.

В данном эпическом стихе внутрискладная аллитерационная связанность не обязательна (*Эртенгинин эртезинде, Бурунгунун мурнунда* ‘Раньше раннего, Древнее древнего’). По замечанию Ю. Н. Тынянова: «В устной традиции иногда бывает затруднительно определить «имманентные признаки стиха как такового» [*Тынянов 1965: 137*].

Во втором примере сложность обнаруживается в градации форм: от аллитерированной стиховой формы (как в первом примере) до не аллитерированной стиховой формы. Однако во втором примере особо выражена ритмизованность: *Чиге сонгу чүктен бады келген, / Эдиг-Кара хемнин белдирин чурттаан, / Эктин ашкан эттиг, / Бажын ашкан малдыг...* ‘Раньше раннего, Прежде давнего [времени] У слияния [вод] реки Эдиг-Кара, Текущей прямо с северной стороны’, которая превосходит «стихотворную» строку с ассимилированной аллитерацией. Также в тувинском эпосе посредством

гиперболы усиливается выразительность описания общей картины мироздания.

О созданном в прозаической форме эпосе «Боралдай с конем Бора-Шокар» А. С. Донгак пишет, что сказание «тяготеет к традиционной образности и формульности. <...> Лексические повторы, рифмованные окончания, различные усилительные частицы и другие стилистические приемы придают тексту ритмизованную организацию: *с горками-пригорками; с перевалами-вершинами; рыбками-мальками; с целебными источниками-водами; изюмом-сладостями; с ягодами-фруктами (земля); семь рек, семеро братьев*» [*Донгак 2018: 115*].

Как считает Н. В. Покатилова, и в сказывании олонхо «параллелистическая структура выступает как достаточно формализованный стилистический прием, которым „автоматически“ (в силу техники устного исполнения) пользуется повествователь, однако функциональная значимость этого приема чрезвычайно подвижна», «поскольку для ведущего повествования важен не прием как таковой, а его применение, функциональная значимость» [*Покатилова 1996: 73–88*].

В тюрко-монгольских эпических традициях повествование о сверхъестественном появлении богатыря имеет много общего. Способы художественной характеристики богатырей в произведениях тувинского и якутского эпосов традиционны. О средствах художественной выразительности в алтае-саянских эпосах А. П. Окладников отмечает, что «гипербологические описания битвы богатырей в таких же формах свойственны эпосу монгольских племен, начиная с бурятских улигеров и кончая монголо-ойратскими былинами» [*Окладников 2013: 32*].

Акт рождения (появления) главного героя четко представлен в тексте олонхо П. А. Ойунского. У прекрасных родителей — небесных божеств родился сын: *Сырдык сымаан хааннаах Адьына Сизэр хотун Тобус ый хонугун Толорбокко эрэ* ‘Непомерно тяжелое бремя свое Не под силу было носить прекрасной Хотун Задолго до девятилунной поры’ / *Иирээн энэрдэнэн Илбис төрүттэнэн, Ийэтин иһиттэн Таас килиэ обо Таралыйа түһээт* ‘Из чрева хотун, Расторгнув утробу ее, Одержимо неистовством бунтовским, Выкатилось каменное дитя’ [*Нюргун Боотур 1982: 66*].

«Зеркальный» прием — конструкция в знаке о необычном рождении эпического богатыря обнаруживается в тувинском «Хунан-Кара». Архаический мотив в описании сверхъестественного рождения железного сына у престарелых родителей поражает яркой живописностью: *Белин көөрге* ‘Видно его туловище’, *Шой-биле бүткен* ‘Сплошь чугунное’, *Хөрээн көөрге* ‘Посмотришь на грудь’, — *Каң-биле бүткен...* ‘Весь из стали...’ [Тувинские героические 1997: 66].

О «говорящей живописи» В. Е. Хализев пишет, что «словесно-художественные образы живописуют вымышленную реальность и апеллируют к зрению читателя» [Хализев 1999: 97].

Мотив фантастического происхождения богатыря в наиболее архаических формах

*Обо эрдэбиттэн,
Олорор буолуобуттан
Үөнээ дойдуга
Үөрэбэс быстан,
Үөрбэ онгостон,
Үлтү кэһиэх буолан
Үөгүлүүр этэ диэммин...*
[Ойунский 2003: 56].

Повторы (*эрдэбиттэн*, *буолуобуттан*, *онгостон*, *буолан*) приобретают гиперболический характер, потому являются важными средствами выразительности, создающими необыкновенной силы экспрессию в изображении сказочного становления будущего богатыря.

Однако простого повтора недостаточно для создания художественного эффекта в эпическом произведении. Тогда сказитель использует близкий к повтору прием экспрессивности, который создает впечатление путем подбора однотипных образов или элементов. Так, по принципу усиления выразительности построено описание стремительного роста тувинского богатыря в текстах «Хунан-Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей»:... *бир*, ..*бир* ‘один’; ... *ижи*, ...*ижи* ‘два’: *Бирхонгаиш*: ‘Одни сутки прошли.’ / *Бирхарлыг мен* — *деп* («Год мне!» — говорит). *Ижсихонгаиш*: ‘Двое суток прошло.’ / *Ижсихарлыг мен* — *деп...* ‘Два года мне!» — говорит’ [Тувинские героические 1997: 70].

В. М. Жирмунский связывает «с первобытными представлениями о партеногенезисе (т. е. девственном зачатии), восходящими к эпохе материнского рода» [Жирмунский 1974: 224].

Действенными приемами композиции в алтае-саянских сказаниях являются часто повторяющиеся элементы. Повторы позволяют легко и естественно придать эпосу композиционную стройность. Одним из устойчивых признаков чудесных детей является мотив необычайно быстрого роста. В описании приемом повтора якутскому богатырю Нюргуну приписывается необыкновенный рост, необыкновенное детство:... *Обо эрдэбиттэн, ...Аччыгый эрдэбиттэн* ‘...С младенчества, ... Как в детстве’ — становятся лейтмотивом всего композиционного построения:

... в детстве,
Копье себе мастера,
Верхнему миру грозил,
Зычно крича, вопя,
Что растопчет его,
Что в обломки его сокрушит...
[Нюргун Боотур 1982: 41].

Ритмический рисунок обуславливает необычайное развитие вида художественно-изобразительного приема. О том, что тувинские эпические тексты подчиняются внутренней стихотворной ритмике, писали в своих исследованиях А. В. Кудиярова, С. М. Орус-оол и З. К. Кыргыз [Донгак 2018: 113].

Средствами выражения экспрессии в описании буйного характера в младенчестве якутского богатыря, читаем в олонхо «Нюргун Боотур»: *Чачыгыраччы күлэн: «Хара түөкүттэр, ханньары санаалаахтар, Үс дойдуну үөннээн-күрдэбэлээн сиэбит Үрдүк солороохтор, үтүө сурахтаахтар! Уоттаах уурааххытын Уу курдук кэһэр Уол-обо мин төрөөтүм!»* ‘Звонко, отрывисто хохоча, Пронзительно крича: — Эй вы, черные плуты, Навыворот мыслящие лжецы, Обьедалы — готовые мир сожрать, Судьи и господа! Вот пришел я — вам на беду! По вашему грозному я суду Вброд, как по мелкой воде, пройду!’ [Ойунский 2003: 17]. Автор употребляет гиперболы,

используя антитезы контрастных образов: *Хара түөкүттэр, Үрдүк соллоохтор* ‘Черные плуты, Господа’. Здесь специфические языковые средства образуют композиционно значимое противопоставление.

Сравнение как художественное средство, его функции в эпосах выражаются неодинаково. «Сравнение в стилистике и поэтике предполагает уподобление одного предмета другому, в результате чего выявляется и усиливается некоторый общий признак» [Егорова 2014: 48]. Как и гиперболы, эпические сравнения служат для выявления героического.

Для идеализации эпического богатыря в качестве большей художественной выразительности употребляются «чудодейственные мотивы» [Бегалиев, Койлубаев 2016: 221].

Одним из основных и смыслообразующих мотивов является изображение единства главного героя и его родного народа. Изображение портретов богатырей в эпических произведениях отличается выра-

*Үөт талах курдук
Илби эрийсэн киридилэр,
Орудуур отут хонугу мэлди<...>
Кылана-кылана
Кыһыл илилэринэн кыдыстылар,
Үөгүлэхэ-үөгүлэхэ
Өттүктэхэн киридилэр,
Хаһыытаһа-хаһыытаһа
Халбарытыһан бардылар...
[Ойунский 2003: 272].*

В эпических произведениях широко используется прием сравнения, который позволяет описывать одно явление с помощью другого. К примеру, в олонхо при описании битвы главного героя с противником используются гиперболические сравнения «как древесные корни, руки сплетая, Как быки лесные, мыча», «Будто сшиблись гора с горой, Бить взялись друг друга они», «Нюргун Боотур Громом загрохотал, Молнией засверкал» [Нюргун Боотур 1982: 198].

В описании тувинских богатырей в «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» художественную выразительность образов усиливают гиперболы, подчеркивающие их мощь, величественность: *Бугалаитыр хыйыртап көөргө, Удур хыйыртааш, Соора-саара шелгилежит чоруй, Кап-шак сегиржит*

зительностью языка, яркой образностью. Главный герой описывается необыкновенно мужественным, справедливым и благородным.

Гиперболизация как художественный прием характеристики эпических образов в олонхо П. А. Ойунского и тувинских сказаниях используется на протяжении всего повествования. Богатыри наделены типичными для всех тюрко-монгольских эпических героев чертами отважного воина. Якутский Нюргун Боотур и тувинские богатыри изображены максимально богатыми, владеющими роскошными юртами, бесчисленными табунами лошадей, превосходными верховыми конями, стадами овец, коров и др.

Одним из ключевых объектов гиперболизации в эпическом произведении является физическая мощь главного героя. Сила богатырей изображается с поэтическим преувеличением, усиливается монументальность их образов. В олонхо битва Нюргуна с трехглавым богатырем абаасы Уот Усутаакы длится тридцать дней:

Как древесные корни, руки сплетая,<...>
Тридцать орущих
Дней и ночей
Боролись богатыри.<...>
Со стоном и ревом они
Принялись друг друга ломать,
Подымать,
Об землю бросать...
[Нюргун Боотур 1982: 200].

*алгаи, Үш айның тозан хонук доктаал чок
Бөөлдежит, тырыкылдажып келирде...
‘Как быки, глядят исподлобья, Друг на друга
глядят исподлобья, Так и эдак ухватят,
дернут друг друга — И вот «кап-шак!» —
схватились. Девяносто дней – три месяца
— без перерыва Вертят, крутят друг друга...
[Тувинские героические 1997: 367].*

Уподобление — разбрасывание богатырем врагов ровно зерна подчеркивает могущество тувинского богатыря Кара-Когеля: *Алдан мөгениалды чукче арба-и-тараа дег чажыпкаш... ‘разбросал, словно ячмень на шесть сторон шестьдесят силачей...’* [Гребнев 1960: 33].

Чтобы заострить богатырский облик героя, посредством гиперболических сравнений дается развернутое представление

о высоких, усыпанных камнями горных перевалах, которые богатырю приходится преодолевать; о бескрайних степях, лесных чащах и нередко эпитетом непроходимого леса служит сравнение: *чылан өтпес шыргай арыг* 'густой лес, через который даже змея не сможет проползти'. Поле, где происходят состязания, рисуется как «необозримая желтая степь» (*карак четпес сарыг*

*Былыргы былдыаһыктаах дьылым
Быралыйар быраман мындаатыгар<...>
Ол-бу улуус диэн, <...>
Иһиллэ илигинэ...*
[Ойунский 2003: 3].

*Очуос таас хайа оройдоох, <...>
Арабас айыы далбардаах, <...>
Орто туруу дьабыл дойду диэн
Оноһуллубута эбитэ үһү...*
[Ойунский 2003: 4].

Для стиха в одну строку характерна трехчастная однострочная структура (*Былыргы былдыаһыктаах дьылым / Быралыйар быраман мындаатыгар*), затем двухчастная однострочная (...*Ичээн эттээххэ, Икки атахтаахха Иһиллэ илигинэ*), кото-

*Экишагныңэктинде,
Багайшагныцбажында,
Эргекиг эр атчыпболбаан,
Эргекиг эр тутчупболбаан,
Арынныг эр удуркөрбес,
Аастыг эр чугаалажыпбүтпес,
Эрниңэрези Каңгывай-Мергендээрзи
Чораанчүвеңиргин*
[Тыва маадырлыг 1990: 175].

Текст данного примера сплошь состоит из формульных словосочетаний и наблюдается отчетливое ритмическое членение. Видно, что в изображении временного пространства антитеза играет большую роль: ...*В плече хорошего времени, В голове плохого времени. Когда рога быков, растрескавшись, отваливались, (А) рога горных козлов упирались в небо, На плечах хорошего времени, На голове (в начале) плохого времени Когда на пригорке Выросли четы-*

хову) [Гребнев 1960: 34]. В образах эпических богатырей воплощены идеалы древних тюрко-монгольских народов о совершенном мире и жизни, совпадающие с желанием народа о лучшей доле.

Характерны для якутского олонхо выразительные средства в описании пространства и времени. В «Нюргун Боотуре»:

Далеко, за дальним хребтом
Давних незапамятных лет
Когда тридцать пять племен, <...>
Не появились еще на земле...
[Нюргун Боотур 1982: 8].

С высоким гребнем утесистых гор, <...>
Обильная щедростью золотой, <...>
Зародилась она,
Появилась она —
В незапамятные времена — Изначальная Мать-Земля...
[Нюргун Боотур 1982: 8].

рые в эпическом стихе придают особую звуковую красоту. Хронологическое описание варьируется и в тувинском сказании «Кангывай-Мерген», которое соответствует эпической традиции:

В плече хорошего времени,
В голове плохого времени,
Когда богатыри с [сильными] пальцами еще не стреляли друг в друга,
Когда богатыри с [сильными] пальцами еще не сражались,
Когда богатыри с [сияющими] лицами еще не смотрели друг на друга враждебно,
Когда драчливые богатыри еще не спорили друг с другом,
[В это время] храбрый богатырь по имени Кангывай-Мерген
Жил на свете.
[Тувинские героические 1990: 143].

ре разноцветных цветка, Когда у безрогой коровы Рога появились [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей 1995: 5]. Экспозиция антитезой временных событий жизни богатыря Кангывай-Мергена, являющейся расстановкой до начала действия, помогает проникнуть в смысл дальнейшего повествования.

Одним из характерных особенностей рассматриваемых эпосов является то, что весь эпический сюжет изложен в стихотворной форме. В эпическом тексте между от-

дельными частями повествователем вставляются короткие внесюжетные фрагменты. Отступление (внесюжетный фрагмент) в эпическом тексте служит для непосредственного высказывания мыслей повествователя. По форме авторское отступление сказителя обращено к слушателям. Включение отступления в текст часто объясня-

ется художественной игрой сказителя, демонстрирующего свою творческую свободу. Примечательны отступления к песням олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, которые являются сюжетно-композиционными связками для целостного восприятия. Они настолько органично входят в структуру олонхо:

*Хоммут уоспутун
Хонгордохпунуна,
Өрөөбүт уоспутун
Өһүллэхпитинэ:
Аллараа дойдуга
Аат айаҕа
Аптагнаабытынан барыа...*
[Ойунский 2003: 182].

Коль раскрою свой
Задремавший рот,
Коль развяжу
Продневавший рот, —
Подземный мир
Бездонную пасть
Раскрывать понемножку начнет...
[Нюргун Боотур 1982: 138].

Н. И. Кравцов отмечает в тюркских эпосах распространенную вводную формулу — призыв к аудитории (в духе запева) [Кравцов 1985: 38]. Как видим, в данном формульном выражении (в начале четвертой песни) автор обращается к слушателям, приглашая их последовать за ним к новой эпической сцене. В героическом эпосе огузов «Книге моего деда Коркута» сказывается словесное выражение, как: «И тогда Х сказал (а) то-то и то-то. Посмотрим, что он (а) сказал (а)!». Таким образом, публику на разных этапах повествователь призывает послушать и даже посмотреть, что происходит в финальном сражении. Также намечается формульное начало и в тувинском эпическом творчестве, которое «сократилось до формулы *шыяан ам*, которую можно перевести «так вот», «теперь», «далее» [Райхл 2008: 303]. В сказительской традиции вилюйские якуты, когда одобряют повествование олонхосута, говорят тоже «*Сыа-ан!*» (якут. «Так вот!»). Из этого следует, что средства предметной изобразительности в якутском олонхо и тувинском сказании используются в наибольшей степени идентично, обширно и свободно.

Изобилующими гиперболическими сравнениями подчеркиваются необыкновенная сила, непомерная красота коней богатырей. Такие средства выразительности усиливают эмоциональное, картинное воздействие, придают яркость эпического восприятия. В «Нюргун Боотуре» многослойный образ коня впечатляюще фантастический: *Только вихрем пыль Заклубилась*

*за ним (конем), Только молнии за горой
Вспыхивали по следу его, Только гром вдалеке
Громыхнул и затих. Треснул оглушительный
гром, Сотрясая кровлю жилия* [Нюргун Боотур 1982: 106]. В «Кангывай-Мергене» конь столь могуч, что «*если навьючить на него мясо пятисот пятидесяти маралов и маралух или мясо шестисот шестидесяти лосей и лосих, то и тогда он легко победит*» [Тыва маадырлыг 1990: 35]. В «Боктуш-Кирише» богатырский конь необычайно силен, что после охоты «*собрал в кучу шестьдесят маралов*» [Тыва маадырлыг 1990: 35]. Как видим, способы выражения мощи, силы богатырских коней представлены посредством образов сравнения, уподобления, заимствованных из мира окружающей природы. К примеру, «высокий лес сравнивается с гривой лошади. Всадник, быстро и ловко вскочивший в седло, сравнивается с черным глухарем, взлетевшим весной с проталины» [Очерк 1970: 20]. Как правило, поэтические сравнения сказителей олонхо выражают уподобления по форме, функции.

Для алтае-саянской эпической традиции характерна идеализация триумфальных событий. После многочисленных боев, в которых славные богатыри одерживают победу над злыми силами, устраивается великий пир. Справедливость восстанавливается, на землю возвращается мирная жизнь. При этом торжество победы совмещается с героическим сватовством богатыря. В тувинском эпосе «Боралдай с конем Бора-Шокар», когда очередной из

сыновей Боралдая женится на невесте, добытой через множество испытаний, сказитель дает не только развернутые описания свадебных пиршеств (этапы подготовки, угощения) [Донгак 2018: 114], но и включает в повествование словесные состязания между сватами, которые отсутствуют в якутском олонхо. Словесные противоборства между родителями жениха и невесты проходят в виде весёлого сценического представления — с шутками, песнями, благопожеланиями, в которых в каждой из

семи глав используются различные изобразительные средства выразительности с неповторимыми фразами нового звучания: «„Народ-поданные [мои]! С море молочную водку, с гору мясо приготовили?“ — спросил [хан]. / Те: „Приготовили!“ — [так] ответили. / „Хороший зять мой в путь отправляется, народ-поданные [мои], так празднуйте-пируйте“, — [так] сказав, народ-поданных [своих] кормил-потчевал, мясом-салом угощал» [Донгак 2018: 114].

В олонхо повествуется:

Дирбиэннээх-дарбааннаах <...>

Уолбат уйгу Улуу тунах ыһыабы тэрийбиттэр, <...>

Орудуур отут хонукка

Оонньуу-кулүү

Оройо аһыллыбыт,

Мобус манна аһаабыт,

Модьу манна тустубут, <...>

Кыыс оҕо манна

Кыталыктыы ыллаабыт,

Уол оҕо манна

Туруйалыы туойбут...

[Ойунский 2003: 518].

В тувинском эпосе:

Улуг найыр-курумну

Тос хонуктуң иштинде ургүлчүлөп...

[Тувинские героические 1997: 296].

В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на свадьбе молодых динамичность движений юношей и девушек, их цельные поступки, которые можно назвать поведенческой установкой — все это повествует о масштабности, широте счастливого конца эпического произведения. Как видно, в тувинском эпосе «Хунан Хара» счастливый конец идентичен якутскому олонхо. В отличие от олонхо, в тувинском сказании нет развернутой словесной характеристики торжества. В эпосе больше повествовательного момента. При этом подобное описание ничуть не умаляет значения тувинского сказания — напротив, показывает сохранность основных черт архаических форм эпоса. Занимательны в повествовании выразительные средства с помощью числительных: в олонхо — «празднество-пир продолжалось в течение «тридцати дней и ночей подряд» и в тувинском сказании — «девять суток», число 9 традиционно является сакральным. В данном контексте действие характеризу-

Устроили для пира они

Многозвучно-шумное — на весь мир, <...>

Тридцать дней и ночей подряд

Веселые игры шли;

Объедались обжоры

Густой едой,

Тешились борьбой силачи,

Парни пляски вели,

Как серые журавли,

Пели девушки,

Как белые журавли...

[Нюргун Боотур 1982: 408].

Великое празднество-пир

Девять суток продолжалось, оказывается...

[Тувинские героические 1997: 297].

ется устойчивыми числовыми словосочетаниями, ориентирующими на временно-пространственное представление. Правоммерно будет мнение А. С. Донгак: «Хотя сюжетная структура сказания состоит из общеэпических сцен, эпизодов, мотивов (детство героев и их детские игры и забавы, наречение именем героев и их коней, походы за невестами, участие в богатырских состязаниях, поединки с шулбусами и мангысами, победа над ними и т. д.), все же характерно то, что в нем обычаи и обряды народа изображены более узнаваемыми и реалистичными» [Донгак 2018: 114].

Заключение

Анализ изобразительно-выразительной системы олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских эпосов приводит нас к тому, что олонхо П. А. Ойунского и тувинские эпосы имеют типологическое сходство и отражают посредством художественного эпического

творчества исторический, эпико-культурный путь развития народов.

Из анализа поэтики олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» следует, что олонхо П. А. Ойунского отличается завершенностью художественной формы. Новатор народной литературы П. А. Ойунский, воссоздав якутский героический эпос, обогатил

его идейное и тематическое содержание, придал ему особое поэтическое звучание.

Изучение художественных средств олонхо П. А. Ойунского и тувинских эпосов не ограничивается поэтическими приемами, гиперболой, сравнением. Данная проблема требует дальнейшего детального исследования.

Литература

- Бегалиев, Койлубаев 2016 — *Бегалиев С. Б., Койлубаев К. К.* О поэтике эпоса «Манас» // *Инновации в науке: сборник статей по материалам LXIII Международной научно-практической конференции № 11(60)*. Новосибирск: СибАК, 2016. С. 217–223.
- Бокту-Кириш, Бора-Шээлей 1995 — Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тувинский героический эпос: в 6 т. Т. 4 / ТНИИЯЛИ. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1995. 224 с.
- Горький 1954 — *Горький М.* Избранные литературно-критические произведения: Статьи, доклады, речи, письма. М.: Детгиз, 1954. 304 с.
- Гребнев 1960 — *Гребнев Л. В.* Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Вост. лит., 1960. 145 с.
- Дмитриев, Мухоплева 2004 — *Дмитриев П. Н., Мухоплева С. Д.* Ойунский и фольклор // П. А. Ойунский: мифы и реальность. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2004. С. 71–77.
- Донгак 2018 — *Донгак А. С.* Особенности поэтики тувинского эпоса «Боралдай с конем Бора-Шокар» в контексте разновременных записей // *Oriental Studies*. 2018. № 3. С. 109–117. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-109-117
- Егорова 2014 — *Егорова О. А.* Характер сравнений и их роль в русских народных сказках // *Современная филология: теория и практика: материалы конференции / под ред. А. Ф. Долматова*. М.: Институт стратегических исследований, 2014. С. 48–53.
- Емельянов 1990 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 207 с.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 725 с.
- Жирмунский 1962 — *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1962. 435 с.
- Кон 1934 — *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет: Экспедиция в Сойотию. Т. 3. М.: Советский писатель, 1934. 293 с.
- Кравцов 1985 — *Кравцов Н. И.* Сербско-хорватский эпос. М.: Наука, 1985. 356 с.
- Богданова 1961 — *Богданова М. И.* Об особенностях киргизского героического эпоса «Манас» // *Киргизский героический эпос «Манас»: сб. ст. / ред. кол.: М. И. Богданова и др.* М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 197–234.
- Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
- Нюргун Боотур 1982 — Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо / воссоздал на основе народных сказаний П. А. Ойунский; пер. В. В. Державина. 2-е изд. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 431 с.
- Окладников 2013 — *Окладников А. П.* Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом. Якутск: Сайдам, 2013. 62 с.
- Очерк 1970 — *Очерк истории якутской советской литературы / под ред. К. Л. Зелинского*. М.: Наука, 1970. 391 с.
- Ойунский 2003 — *Ойунский П. А.* Дьулуруйар Ньургун Боотур (Нюргун Боотур Стремительный): олонхо. Дьокууская: Сахаполиграфиздат, 2003. 544 с.
- Покатилова 1996 — *Покатилова Н. В.* К вопросу о формах параллелизма в эпическом жанре олонхо: из наблюдений над текстом // *Язык — миф — культура народов Сибири*. Вып. 4; отв. ред. Л. Л. Габышева. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. С. 73–88.
- Райхл 2008 — *Райхл К.* Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. М.: Вост. лит., 2008. 383 с.
- Серошевский 1896 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. Т. 1. СПб.: Издание ИРГО, 1896. 721 с.
- Тынянов 1965 — *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Советский писатель, 1965. 301 с.
- Тувинские героические 1997 — Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Но-

- восибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1997. 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Тыва маадырлыг 1990 — Тыва маадырлыг тоолдар (= Тувинские героические сказания). Т. 1. Мере Шагаан-Тоолай; 2. Танаа-Херел; 3. Тоц-Аралчын-Хаан; 4. Кацгывай-Мерген; 5. Баян-Тоолай / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990. 272 с.
- Хализев 1999 — Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.
- References**
- Begaliev S. B., Koylubaev K. K. About poetry of the epic 'Manas'. *Innovatsii v nauke*. 2016. No. 11(60). Pp. 217–223. (In Russ.)
- Bogdanova M. I. Kyrgyz heroic epic of Manas: peculiarities revisited. In: Bogdanova M. I. et al. (eds.) *Kyrgyz Heroic Epic of Manas*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. Pp. 197–234. (In Russ.)
- Boktu-Kirish, Bora-Sheele: Tuvan Heroic Epic. In 6 vols. Vol. 4. Tuvan Research Institute of Language, Literature and History. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1995. 224 p. (In Tuv.)
- Dmitriev P. N., Mukhopleva S. D. Oyunsky and folklore. In: Ivanov V. N., Dyachkovskaya M. N., Romanova L. N. Platon A. Oyunsky. *Myths and Reality*. Yakutsk: Humanities Research Institute (Sakha (Yakutia) Academy of Sciences), 2004. Pp. 71–77. (In Russ.)
- Dongak A. S. The Tuvan epic *Bora-Shokar Attyg Boralday*: poetic peculiarities in the context of multitemporal recordings. *Oriental Studies*. 2018. No. 3. Pp. 109–117. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-109-117
- Egorova O. A. Comparisons and their role in Russian folk tales. In: Dolmatov A. F. (ed.) *Contemporary Philology. Theory and Practice. Conference Proceedings*. Moscow: Institut Strategicheskikh Issledovaniy, 2014. Pp. 48–53. (In Russ.)
- Gorky M. *Selected Literary Critical Works: Articles, Reports, Speeches, Letters*. Moscow: Detgiz, 1954. 304 p. (In Russ.)
- Grebnev L. V. *Tuvan Heroic Epic: A Historical-Ethnographic Analysis*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 145 p. (In Russ.)
- Khalizev V. E. *Theory of Literature*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1999. 398 p. (In Russ.)
- Kon F. Ya. *Over the Fifty Years: Expedition to Soyotia*. Vol. 3. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1934. 293 p. (In Russ.)
- Kravtsov N. I. *Serbo-Croatian Epic*. Moscow: Nauka, 1985. 356 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. *Origins of Heroic Epic*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 462 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Yakut Epic (Olonkho) and Its Ties to the South*. Yakutsk: Saydam, 2013. 62 p. (In Russ.)
- Orus-ool S. M. (comp.) *Tuvan Heroic Tales*. Novosibirsk: Nauka, 1997. 584 p. (In Russ.)
- Orus-ool S. M. (comp.) *Tuvan Heroic Tales*. Vol. 1: Mege Shagaan-Toolay; vol. 2: Tanaa-Kherel; vol. 3: Tots-Aralchyn-Khaan; vol. 4: Katsgyvay-Mergen; vol. 5: Bayan-Toolay. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1990. 272 p. (In Tuv.)
- Oyunskiy P. A. *Nurgun Bootur the Swift: Olonkho*. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2003. 544 p. (In Yak.)
- Oyunsky P. A. (literary comp.) *Nurgun Bootur the Swift: Yakut Heroic Olonkho Epic*. V. Derzhavin (transl.). 2nd ed. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1982. 431 p. (In Yak. and Russ.)
- Pokatilova N. V. Revisiting parallelism forms in the epic genre of Olonkho: textual observations. In: Gabysheva L. L. (ed.) *Peoples of Siberia. Language – Myth – Culture*. Vol. 4. Yakutsk: Yakutsk State University, 1996. Pp. 73–88. (In Russ.)
- Reichl K. *Turkic Epic: Traditions, Forms, Poetic Structure*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. 383 p. (In Russ.)
- Seroshevskiy V. L. *The Yakuts: An Ethnographic Study*. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society, 1896. 721 p. (In Russ.)
- Tynyanov Yu. N. *The Problem of Poetic Language: Articles*. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1965. 301 p. (In Russ.)
- Yemelyanov N. V. *Olonkho: Plots about Tribal Ancestors*. Moscow: Nauka, 1990. 207 p. (In Russ.)
- Zelinsky K. L. (ed.) *Yakut Soviet Literature: A Historical Essay*. Moscow: Nauka, 1970. 391 p. (In Russ.)
- Zhirumsky V. M. *Folk Heroic Epic: Comparative-Historical Essays*. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1962. 435 p. (In Russ.)
- Zhirumsky V. M. *Turkic Heroic Epic*. Leningrad: Nauka, 1974. 725 p. (In Russ.)

